

что Ассархадонъ и Лайлэ суть одно и то же, хотя онъ, Ассархадонъ, и взялъ Лайлэ въ плѣнъ, посадилъ его въ клѣтку и теперь придумываетъ наиболѣе жестокую смерть для Лайлэ; и во 2-хъ въ томъ, что онъ, Ассархадонъ, не можетъ уничтожить жизнь Лайлэ. На это, до купанія еще въ купели, Ассархадонъ возражаетъ: „А какъ-же тѣ четырнадцать тысячъ воиновъ, которыхъ я убилъ и изъ тѣль которыхъ сложилъ курганъ? Я живъ, а ихъ нѣть; стало быть, я могу уничтожить жизнь.“ И на вопросъ старца—„почему онъ знаетъ, что нѣть тѣхъ, которыхъ онъ убилъ?“ Ассархадонъ отвѣчаетъ: „Потому что я не вижу ихъ. Главное же то, что они мучились, а я нѣть; имъ было дурно, а мнѣ хорошо.“—„И это тебѣ кажется,“ возражаетъ старецъ, „ты мучилъ самъ себя, а не ихъ“.

Но что-же все это однако значить? Не значить ли это, что убить никого нельзя, нельзя никого и мучить? А если нельзя ни убить, ни мучить, и все это только кажется убийцамъ и мучителямъ, имъ только *кажется*, что они убиваютъ и мучатъ, такъ о чёмъ-же хлопотать, пускай себѣ убиваютъ и мучатъ, если это имъ нравится; вѣдь все это недѣйствительно, все это только ложь и самообольщеніе, все это только призракъ и обманъ. Но тогда зачѣмъ-же и заповѣдь—„*не убий*“, если убить нельзя? И зачѣмъ въ такомъ случаѣ самъ Толстой въ своей памяткѣ солдатамъ старается убѣдить ихъ, чтобы они не убивали, уговариваетъ не повиноваться начальству, которое посыпаетъ солдатъ сражаться съ врагами отечества, т. е., по выражению Толстого, на убийство, уговариваетъ солдатъ не повиноваться, не смотря на то, что посыпаютъ ихъ на такое убийство именемъ Царя, потому что, говоритъ Толстой, заповѣдь—„*не убий*“—идетъ отъ самого Бога, а Богъ больше Царя, и Бога нужно слушаться больше, чѣмъ кого-бы то ни было?!

Дальше въ этой-же легенѣ говорится, что Ассархадонъ, благодаря чуду, продѣланному надъ нимъ старцемъ, т. е. окунувшись въ купели, понялъ, что Лайлэ—никто иной, какъ самъ онъ, Ассархадонъ, и воины, которыхъ онъ, Ассархадонъ, убилъ, суть тоже самъ онъ, Ассархадонъ; а старецъ прибавляетъ: „И не только воины, но тѣ звѣри, которыхъ ты убивалъ на охотѣ и пожиралъ на своихъ пирахъ, были ты же. Ты думалъ, что жизнь только въ тебѣ, но я сдернулъ съ тебя покрывало обмана и ты увидаль, что, дѣля зло другимъ, ты дѣлалъ его себѣ. Жизнь одна во всемъ и ты проявляешь въ себѣ только часть этой *одной* жизни. И только въ этой *одной части* жизни, въ себѣ, ты можешь улучшить и ухудшить, *увеличить* или *уменьшить* жизнь. Улучшить жизнь въ себѣ ты можешь только тѣмъ, что будешь разрушать предѣлы, отдѣляющіе твою жизнь отъ другихъ существъ... Уничтожить же жизнь въ другихъ существахъ не въ твоей власти. Жизнь убитыхъ тобою существъ исчезла изъ твоихъ глазъ, но не уничтожилась. Ты думалъ *удлинить* свою жизнь и *укофотить* жизнь другихъ, но ты не можешь этого сдѣлать*). Для жизни нѣть ни времени, ни места. Жизнь—мгновеніе и жизнь тысяча лѣтъ, и жизнь твоя и жизнь всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ существъ мира равны. Жизнь уничтожить и

* Несколько строками выше было сказано, что *столько... въ себѣ...* ты можешь *увеличить* жизнь, а тутъ говорится, что не можешь *удлинить* свою жизнь;—или *увеличить* это не значитъ *удлинить*?